

Статья опубликована в журнале «Палантир» (2011. № 63. С. 4—7).

© Минц М. М., 2011

Данная статья распространяется по лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 Unported (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). Чтобы ознакомиться с экземпляром этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/deed.ru> или отправьте письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California, 94105, USA.

М. М. Минц (Амдир)

Доклад, прочитанный на VI Большом Толкиновском семинаре

Так сложилось, что отправной точкой для тех размышлений, результатам которых посвящён настоящий доклад, стал в своё время анализ существующих подходов к изучению творческого наследия Толкина, описанных в работах Д. О. Виноходова («Подходы к изучению текстов Толкина», «Толкинистика: принципы и проблемы методологии»). Я попытался сообразить, что именно меня не устраивает в той теоретико-методологической модели, которую он предлагает, а затем — как могла бы выглядеть теоретико-методологическая модель, которая меня бы устроила. В результате получились те самые соображения, которые будут вкратце изложены ниже.

Как мне показалось, теоретико-методологическая модель, предложенная Виноходовым, обладает рядом существенных недостатков. С одной стороны, она фактически ставит на одну полку научные подходы (например, «филологический») и ненаучные (например, «визионерский»). С другой стороны, собственно научное изучение творчества Толкина оказывается разделённым между несколькими методологическими подходами (прежде всего «филологическим» и «историческим»), которые основаны на разных ответах на вопрос об отношении Толкина к Арде (в терминологии Виноходова — «основной вопрос толкинистики») и, следовательно, несовместимы между собой. Таким образом, знания, полученные в рамках отдельных подходов, также оказываются несовместимыми и не могут быть объединены в общую, целостную картину. Виноходов, правда, предполагает, что результаты исследований, выполненных в рамках разных методологических подходов, можно в дальнейшем подвергнуть сравнительному анализу; главное, по его мнению, — не смешивать разные методологические подходы в рамках одного исследования. Мне такое решение представляется иллюзорным, поскольку любой сравнительный анализ сам по себе уже является исследованием.

К тому же, для изучения внутренней истории Арды предлагается использовать т. н.

«исторический подход», который основывается на предположении, хотя и понарошку, будто этот мир существовал материально. Это порождает целый ряд проблем:

1) Исследование внутренней истории Арды по определению становится заведомо несерьёзным. Между тем, изучать её, на мой взгляд, действительно необходимо.

2) Для изучения внутренней истории Арды предлагается использовать методы «земной» исторической науки, что в корне ошибочно, поскольку Арда является вымышленным миром.

Исходя из этого, я попытался разработать новую теоретико-методологическую модель, которая бы позволила, во-первых, чётко разграничить научные подходы и ненаучные и, во-вторых, применять все доступные научные методы, в том числе относящиеся к различным дисциплинам и отраслям знания, на общей методологической основе, чтобы результаты их применения были совместимы между собою и могли, дополняя друг друга, составить целостную картину наших представлений о творчестве Толкина. Вот что у меня получилось.

Определимся прежде всего, что следует принять за основу теории толкиноведения. Вопрос об отношении Толкина к Арде действительно занимает в толкинистике примерно такое же место, как и вопрос об отношении мышления к бытию — в философии. Проблема, однако, в том, что вопрос об отношении мышления к бытию, вопреки распространённому мнению, не является «основным вопросом философии»; таковым он считался лишь в Советском Союзе. Безусловно, каждое философское учение даёт на него свой ответ, однако разные философские системы строятся по-разному, и ответ на вопрос об отношении мышления к бытию может быть предопределён ответами на какие-то другие вопросы (позитивисты, к примеру, считали, что этот вопрос вообще не имеет смысла, поскольку не решаем научным путём, а иных способов познания позитивизм не допускает). Кстати, в изданной уже в постсоветский период «Новой философской энциклопедии» (М.: Мысль, 2000—2001. Т. 1—4) статья «Основной вопрос философии» отсутствует.

Похожая ситуация складывается и с вопросом об отношении Толкина к Арде: каждый из нас, очевидно, отвечает на него по-своему, однако *научное* изучение творчества Толкина возможно лишь в том случае, если считать Арду творением самого Толкина (что совпадает, кстати, и с его собственными представлениями о своём творчестве). Другие ответы на вопрос об отношении Толкина к Арде имеют, разумеется, право на существование, но — за пределами науки. Поэтому рассматривать его как «основной вопрос толкинистики» я бы не стал.

Вместо этого я предлагаю взять за основу теории и методологии толкинистики наше понимание её объекта. В качестве такового правильнее всего было бы рассматривать личность Толкина, его представления, духовные искания и, наконец, его творчество — научное и художественное. Центральным же элементом толкиновского творческого наследия — и наиболее сложным для анализа и понимания — является Арда. С произведениями, не имеющими отношения к «средиземскому» циклу, всё гораздо проще.

Какой же смысл мы вкладываем в слово «Арда»? Я бы определил её как *идею вы-*

мышленного мира, созданную Толкином, эволюционировавшую со временем в его сознании, изложенную в его произведениях и ставшую, по мере их опубликования, достоянием человечества в целом и составной частью мировой культуры. Такое определение Арды, помимо всего прочего, позволяет нам рассматривать её как самостоятельный объект исследования, наряду с описывающими её текстами.

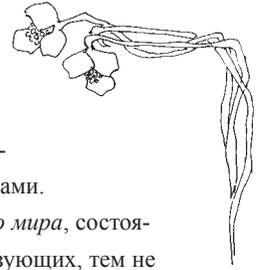
Как идея, Арда составляет целостный *образ вымышленного мира*, состоящий, в свою очередь, из множества отдельных образов и идей, образующих, тем не менее, *единое и до конца неразделимое целое*. В то же время единственным источником наших знаний о ней являются *тексты* Толкина, содержащие её *дискретное* описание, к тому же заведомо неполное. С другой стороны, корпус этих текстов довольно обширен и благодаря этому позволяет нам, несмотря на все возможные оговорки, осмыслить Арду в её целостности и достаточно детально исследовать отдельные её составляющие.

Будучи включённой в мировое культурное наследие, Арда соединена множеством самых разнообразных связей с другими его частями, что делает возможным исследование её места в человеческой культуре с применением различных литературоведческих, исторических, культурологических, психологических и иных методов.

В то же время следует подчеркнуть, что изучение Арды ни в коем случае не должно сводиться к одному лишь анализу описывающих её текстов. Необходимо изучать и *внутреннюю историю* этого мира; она является неотъемлемой частью образа Арды, поэтому её исследование не должно рассматриваться как сугубо любительское и несерьёзное. Коль скоро Толкин намеренно стилизовал свои произведения под подлинные исторические источники или исторические и филологические исследования, нам приходится принять эти правила игры.

Следует, однако, учитывать, что, будучи миром вымышленным, Арда развивалась как бы *параллельно в двух временных потоках*: с одной стороны, в её внутреннем времени развёртывалась её собственная история, от сотворения мира до начала Четвёртой Эпохи, с другой стороны — *образ* Арды также эволюционировал в сознании Толкина на протяжении его жизни; как следствие, разновременные тексты Толкина могут описывать разные версии Арды и её истории. Это и есть одна из причин, почему при изучении внутренней истории Арды нельзя использовать методы «земной» исторической науки в чистом виде: работая с текстами, написанными Толкином в различные периоды жизни, мы, в определённом смысле, изучаем разные миры. Вторая причина состоит в том, что разные произведения Толкина неодинаково соотносятся с описываемым в них миром: часть из них (например, «Сильмариллион») написаны *от лица жителей Арды*, тогда как другая часть (например, «Властелин колец») — *от лица самого Толкина как её «исследователя»* либо (как, скажем, «Преображённые мифы» или письма) также от лица Толкина, но уже как *создателя* Арды. «Земные» истории с такой ситуацией просто не сталкиваются, поскольку черновики Бога нам, как известно, недоступны.

Итак, если оставить за скобками прочие составляющие толкиновского наследия, не имеющие отношения к «средиземскому» циклу, то структуру объекта толкинистики можно представить себе следующим образом:

во-первых, это *идеи и представления* Толкина;
во-вторых, это *образ Арды*, который их отражает;
в-третьих, это *тексты Толкина*, анализ которых позволяет нам реконструировать образ Арды.

Такое понимание объекта толкинистики позволяет заложить необходимую базу для междисциплинарных исследований и изучать творческое наследие Толкина с использованием всего многообразия методов, применяемых в различных отраслях знания. Можно отметить, в частности, следующие перспективные направления исследований:

- изучение *истории текстов Толкина* (позволяет проследить эволюцию образа Арды);
- исследование *внутренней истории Арды* с учётом результатов текстологических изысканий;
- *источниковедческий анализ* произведений Толкина как источников по внутренней истории Арды (особую проблему, к примеру, составляет различие текстов, написанных от лица жителей самой Арды и от лица Толкина как её создателя и «исследователя»);
- *литературоведческий анализ* творчества Толкина в контексте мировой литературы — с учётом результатов текстологических изысканий и исследований внутренней истории Арды;
- *лингвистические исследования* языков Толкина;
- *религиоведческие исследования* (христианские идеи в творчестве Толкина).

Можно добавить к этому изучение биографии Толкина, его научного творчества, развиваемых в его произведениях философских идей и т. д., и т. д. Можно, при желании, применять и психоаналитические методы — с той, разумеется, оговоркой, что объектом анализа в этом случае должны быть, опять-таки, не тексты Толкина, а описываемые в них образы и идеи.

Поскольку результаты подобных исследований будут получены, хотя и в рамках разных научных дисциплин, но на основе единой методологии, они будут совместимы между собою и составят, дополняя друг друга, целостную картину наших представлений о творчестве Толкина во всей его полноте. Картину, которая, разумеется, так и останется незавершённой, поскольку процесс познания бесконечен.

